

У Фиалок
Есть Шипы

Янтарь

У фиалок есть шипы

«Автор»

2026

Янтарь

У фиалок есть шипы / Янтарь — «Автор», 2026

Блистательный Павлобург, столица Рослевии, не прощает слабости. Здесь гранит набережных хранит дворянские тайны, а туман над рекой Навью скрывает чужие грехи. Анастасия Верская пытается начать жизнь заново. Сменив фамилию и истратив последние сбережения, она открывает цветочную лавку «Фиалка». Но прошлое не отпускает: долги отца, разоренные вкладчики, косые взгляды бывших знакомых снова и снова преследуют ее. Ася готова ухватиться за любую возможность на спокойную жизнь, но судьба готовит ей унижение пострашнее клейма дочери каторжанина: придя в доходный дом в качестве просительницы, Ася сталкивается с тем, кого когда-то предала...

© Янтарь, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Янтарь

У фиалок есть шипы

Глава 1

День выдался на редкость тоскливый, из тех серых, безнадежных павлобургских дней, когда сырость проникает, кажется, в самые кости, а небо, как дырявое ватное одеяло, то там, то здесь раздирают гондолы дирижаблей. За окном моей маленькой лавки моросил мелкий, нудный дождь, и его капли, стекая по мутному стеклу, искажали и без того невеселый вид Малой Речной улицы. Я стояла у прилавка и смотрела, как Феня, моя единственная помощница, тихонько всхлипывает, комкая в грубых, натруженных руках край своего ситцевого платка.

— Феня, голубушка, ты уж прости меня, бога ради, — проговорила я, и голос мой, вопреки стараниям, дрогнул. — Поверь, мне это решение далось не легче, чем тебе.

Феня подняла на меня глаза, полные слез, и в них я увидела не обиду, а искреннее сострадание. Ко мне. Владелице лавки, которая дышит на ладан.

— Да что вы, барышня Анастасия Сергеевна, — запричитала она, шмыгая носом. — Разве ж я не понимаю? Сами знаете, какие времена нынче. А вы Вы всегда ко мне по-человечески, не то что у других... Я плачу не со зла, я от души тоскую, расставаться не в мочь...

Она говорила сбивчиво, и каждое её слово острым ножом резало мне сердце. Я щёлкнула застёжкой-замком и достала из ридикюля те немногие рубли, что отложила для неё, — жалкие гроши, половина месячного жалованья, которое я и так платила ей из последних сил. Протянула ей.

— Вот, возьми. Это твое за этот месяц и немножко сверху. За твои старания и усердие.

Феня замотала головой, отказываясь, и я мягко, но настойчиво вложила деньги в её ладонь. Она ещё немного постояла, кусая губы, словно хотела что-то сказать, но не решалась, а потом вдруг порывисто поклонилась мне в пояс и, быстро засеменив, выскользнула за дверь, звякнувшую колокольчиком. И этот звук, всегда казавшийся мне таким приветливым, сегодня прозвучал похоронным звоном.

Я осталась одна.

Тишина в лавке сделалась какой-то гулкой и зловещей. Я медленно обвела взглядом свое небольшое, но такое милое сердцу хозяйство. «Фиалка» — с какой любовью я выбирала это название, думая о своем любимом скромном цветке! Теперь же оно казалось горькой насмеш-

кой. Полки, которые я собственноручно застилаю кружевными салфетками, чтобы выгоднее оттенить яркие бутоны, сиротливо поблескивали пустотой. В высоких напольных вазах из литальского стекла, купленных мною по случаю на аукционе в лучшие времена, торчало лишь по паре чахлых веток эвкалипта, да и те уже начали желтеть. Ведра с живыми цветами, которые я каждое утро встречала с трепетом, выбирая самые свежие на рынке, теперь почти опустели: несколько тюльпанов понурили головки, да жалкая горстка хризантем теснилась в углу, напоминая ярким своим нарядом о прежнем разноцветье.

Грусть, тяжелая и липкая, как уличный туман, подступила к горлу. Шесть месяцев. Полгода я, Анастасия Сергеевна Верская (урожденная Кнауф, но об этом здесь, в Павлобурге, знают немногие, да и те, кто знает, предпочитают не вспоминать), пыталась построить новую жизнь. Тихую, честную, скромную жизнь, о которой мечтала долгими вечерами, сидя в своей съемной комнате в провинции с керосиновой лампой и учебниками франкфюрского. Я так хотела доказать самой себе и всему свету, что я — не просто «дочка того самого проклятушего душегуба Кнауфа». Что я умею создавать красоту, а не разрушать судьбы.

И что же? Лавка моя, которую я называла не иначе как своим детищем, стояла передо мной в убогом запустении, укоряя меня за самонадеянность. Запах цветов, ещё на днях казавшийся мне сладким и благородным, сегодня отдавал гнильцой. Я подошла к одному из горшков с геранью на подоконнике, провела пальцем по сухой, потрескавшейся земле. Полить бы надо. Да и все надо поливать. Но руки опускались. К чему эта суета, если вскоре, возможно, мне придется закрыть дверь моей дорогой «Фиалки» навсегда?

Ноги сами принесли меня в подсобную комнатенку, где стоял маленький письменный стол. Я опустилась на жесткий стул и закрыла глаза. И тотчас же, словно по заказу, перед внутренним взором всплыла совсем другая картина — воспоминания, от которых по спине пробежал неприятный холодок.

Глава 2

То было три дня назад.

Я выходила из лавки, усталая после неудачного дня (госпожа Хованская, моя постоянная покупательница, вновь отложила оплату букета для дочери), и у подъезда меня уже поджидал господин Спиридонов, мой домовладелец.

Спиридонов, Егор Ильич, был из новых купцов, из тех, что сколотили состояние на новомодных механизмах, которые так любят у нас в Рослевии, и теперь скупали доходные дома на окраинах Павлобурга. Толстый, с мясистым носом и масляными, цепкими глазками, он одевался в дорогие, но безвкусные сюртуки, а говорил с тем особым, холуйским оттенком превосходства, который так любят нувориши, почувствовавшие власть над обедневшими, но благородными.

— Анастасия Сергеевна! — закричал он мне ещё издали, перекрывая шум проезжающего омнибуса. — А я к вам! Лёгка на помине!

Я вздохнула и замедлила шаг. Разговор с ним никогда не предвещал ничего хорошего.

— Здравствуйте, Егор Ильич, — сухо ответила я, приподнимая вуалетку.

— Здрасти-здрасти, — он подошел вплотную, бесцеремонно разглядывая меня. — А я всё думаю, как там наша голубушка поживает? Как цветочки её? Не завяли?

— Вашими молитвами, все хорошо, — солгала я, глядя ему прямо в глаза. Ложь далась мне трудно, я вообще была плохой лгуньей, но показывать слабость этому человеку было нельзя. — Вы по делу, Егор Ильич?

— По делу, матушка, по делу, — он потер пухлые ладони. — Вы, это насчет моих слов подумали? Срок-то послезавтра.

— Я помню, Егор Ильич. Как и о том, что мы договаривались о прежней цене на аренду помещения ещё на год.

Тут лицо его переменялось. Масляные глазки стали колючими, а голос утратил приторную сладость.

— Договаривались, говорите? А бумага где? В договоре, милая барышня, черным по белому написано: арендная плата может быть пересмотрена через полгода. Рыночная стоимость, знаете ли, растёт. Вон, купец Караваев за соседнее помещение сколько дает! А у вас там... — он пренебрежительно кивнул в сторону, — цветочки, благотворительность одна. Не солидное дело это.

Мне стало душно. Я прекрасно понимала, что он прав по букве договора, как бы ни был низок его поступок по сути.

— Егор Ильич, я прошу вас, войдите в положение, — сказала я как можно спокойнее, хотя внутри всё кипело. — Вы же знаете, торговля только налаживается. Такое повышение, в полтора раза это разорительно для меня.

— А мне-то что за печаль? — осклабился он. — Вы, Анастасия Сергеевна, барышня образованная, из благородных, должны понимать: я человек коммерческий. У меня капитал в деле. Не заплатите — освобождайте помещение. На ваше место очередь стоит. Вон, тот же Караваев табачную лавку хочет открыть. Господин с деньгами, не чета некоторым.

Я молчала, чувствуя, как краска стыда и бессилия заливает щеки. Разговаривать с ним на равных было невозможно.

— Да вы не тушуйтесь, — вдруг сменил он тон, вновь становясь «добреньким». — Могу и отсрочку дать. Все ж таки понимаю ситуацию. Но цену, матушка, цену я подниму. Это уж как пить дать.

Он противно подмигнул и, не прощаясь, зашагал прочь, оставив меня стоять на тротуаре под начинающимся дождем.

Глава 3

Я открыла глаза. Воспоминание было до того ярким, что я на мгновение вновь ощутила тот липкий страх и унижение. Подсобка моя показалась мне клеткой. Я посмотрела на стопку неоплаченных счетов, лежащих на столе, на конверт с отказом от свадебного заказа (пятьдесят рублей! целое состояние!), и острая, как нож, мысль пронзила сознание: я на краю пропасти.

Все, что я копила годами, давая уроки в провинции, отказывая себе во всем, — все ушло. Растаяло, как дым, за эти полгода. Лавка не приносила дохода, она лишь пожирала деньги. А теперь ещё и этот Спиридонов со своей удавкой.

Я встала и подошла к небольшому, мутноватому зеркалу, висевшему на стене. Из него на меня глянула женщина с бледным, осунувшимся лицом и темными кругами под глазами. В этом лице, обрамленном золотисто-русыми, чуть вьющимися волосами, убранными в скромную прическу, не осталось и следа от бывлой беззаботной барышни Асеньки Кнауф. Та Ася, что выезжала на балы в отцовском паромобиле, что танцевала мазурку с блестящими офицерами и мечтала о безоблачном счастье, — та Ася умерла давно, в тот самый день, когда жандармы пришли в наш дом.

Перед глазами вновь встала картина, которую я гнала от себя годами. Огромная столовая в нашем особняке на Царской набережной. Хрустальная люстра, отражающаяся в полированном столе красного дерева. И отец. Он сидел во главе стола, осунувшийся, с серым лицом, и комкал в руках какую-то бумагу. Мачеха, застывшая у дверей с побелевшими губами. А потом — крики, топот сапог, грубые руки, рвущие бархатные портьеры, опрокинутый граммофон, а потом и ваза, брызги воды на паркете. И взгляды. Эти полные ненависти и презрения взгляды людей, которых мы считали друзьями, знакомыми, партнерами. Они смотрели на меня, семнадцатилетнюю барышню, так, словно это я лично украли их деньги. Клеймо дочери мошенника оказалось страшнее любого каторжного клейма. Оно жгло совесть, самую душу, каждую клеточку существа.

Имущество семьи описали судебные приставы. Все, что наживалось годами, — дом, картины, паромобили, драгоценности, артефакты, — ушло с молотка. Ушло, чтобы хоть малой толикой покрыть те чудовищные долги, что оставил после себя отец. Я не знаю, как он, банкир, уважаемый человек, мог пойти на такую аферу с векселями. Как мог разорить столько семей — вдов, сирот, купцов, доверивших ему свои сбережения. Для меня это навсегда осталось загадкой. Помню только его яростный взгляд, когда его уводили под конвоем. Он умер на каторге через год, так и не признав себя виноватым. Мачеха упорхнула куда-то почти сразу же после ареста. Это была третья жена отца, мы не были с ней близки, и я не озаботилась узнать, какие у нее планы на будущее. Тем более мое собственное будущее тогда представлялось мне в крайне туманном свете.

Я осталась одна. С фамилией, ставшей синонимом предательства и мошенничества. Едва дождавшись наступления совершеннолетия, я была вынуждена сменить фамилию на девичью бабушкину — Верская. И уехать. Бежать из столицы, из этого роскошного, жестокого Павлобурга, где каждый камень напоминал о падении, а каждое знакомое лицо норовило отвернуться или плюнуть вслед.

Я поселилась в провинции, в захолустном городке N. Там меня никто не знал. Я стала давать уроки музыки и франкийского детям местного бомонда — градоправителя, городского хирурга, смотрителя паромеханического училища. Жила бедно, тихо, замкнуто. Мечты о цветах, о своем маленьком, уютном мире, где не будет места лжи и предательству, грели мне душу в те долгие, однообразные вечера. Я копила. Рубль к рублю. Отказывала себе во всем. Но никогда бы не нашла в себе смелости вернуться в Павлобург если бы не Филипп, мой сводный брат, который отыскал меня в провинции и уговорил так поступить.

Какая же глупая самонадеянность! Я думала, что восемь лет отсутствия что-то изменили, что в огромном столичном городе можно затеряться, начать всё с нуля. Но память людская оказалась длиннее и злее, чем я предполагала. Иногда стоило кому-то из купчих или чиновниц, заходящих в лавку, всмотреться в мое лицо, как в их взгляде проскальзывало узнавание. Не всегда явное, но осязаемое. За спиной шептались. Порой крупные заказы, как тот, на свадьбу, отменяли в последний момент без внятных причин. Я чувствовала себя прокаженной.

Я отошла от зеркала, чувствуя противную дрожь в коленях. Круг замкнулся. Прошлое настигло меня и здесь, в моей жалкой «Фиалке», и душило за горло. Спиридонов — лишь вершина айсберга. Истинная причина моего краха — не его жадность, а мое имя. Вернее, то имя, которое я носила когда-то и которое, как проклятие, прилипло ко мне навсегда.

Я села за стол, обхватив голову руками. Что делать? Просить займы? У кого? Все, кто имел капиталы — были из прошлой жизни, а теперь притворялись, что видят меня впервые.

Филипп предлагал дать денег, но я не могла себе позволить обременять его — у него была невеста, Елена, они собирались играть свадьбу, присматривали себе дом. Нет, решительно невозможно одалживаться у них. Брат и так сделал для меня не мало, хотя не был обязан.

Снова идти в гувернантки? Меня никто не возьмет в приличный дом в столице. Остается одно — признать поражение. Закрыть лавку. Распродать остатки цветов и имеющиеся артефакты за бесценок и И что? Снова ехать в провинцию? Доживать век в нищете и неизвестности, зализывая раны?

Мысль эта была столь горька, столь невыносима, что я застонала вслух. Нет! Не для того я столько терпела, не для того хоронила себя заживо, чтобы сейчас сдаться! Я должна найти выход. Я просто обязана его найти

Глядя на пустые полки, вспоминая наглую физиономию Спиридонова и горькие слезы Фени, я вдруг поняла, что у меня имеется один шанс. Одна возможность. Та, мысль о которой я гнала прочь все эти месяцы — слишком унижительно. Но видно, все же придется поступиться гордостью, которая в теперешнем моем положении — непозволительная роскошь.

Сердце колотилось где-то у горла, мешая мыслить трезво. Я подошла к окну. Дождь почти перестал, и сквозь рваные тучи пробился одинокий, бледный луч заходящего солнца. Он упал на витрину, высветив пыль на стекле и жалкие, поникшие головки последних тюльпанов. Свет этот не грел, но он словно указывал путь. Путь во тьму? Или к свету? Я не знала.

За окном, в сгущающихся сумерках Павлобурга, зажигались первые огни газовых фонарей. Город жил своей привычной, равнодушной жизнью, не замечая меня, стоящей на краю пропасти и делающей шаг в пустоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.